

какія поставленъ извѣстный человѣкъ, удлиненіе до безконечности періода времени между совершеннымъ поступкомъ и сужденіемъ о немъ и опредѣленіе всей цѣпи причинъ какого бы то ни было поступка, которая также безконечна (VI, 282). Изъ этого разсужденія, представленнаго здѣсь въ голомъ оставѣ и вытекаетъ извѣстное намъ опредѣленіе свободы, какъ выраженія неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы можемъ знать о необходимости. т.-е. мы *представляемъ* себѣ поступокъ свободнымъ или неимѣющимъ достаточнаго основанія, когда не знаемъ его причинъ. Въ этомъ отношеніи заключительныя слова «Войны и мира»; «необходимо отказаться отъ несуществующей свободы (т.-е. возможности безпричинно дѣйствовать) и признать неощущаемую нами зависимость» (отъ рядовъ причинъ, опредѣляющихъ акты нашей воли),—содержатъ въ себѣ неоспоримую истину, какъ также вѣрно и то, что, вслѣдствіе невозможности знать все причины, нельзя представить себѣ жизнь и исторію безъ свободы, т.-е. безъ неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы можемъ знать о необходимости. И еще такое соображеніе мы находимъ у гр. Толстого: «*представленіе* о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, невозможно»,—говоритъ онъ (VI, 282). Но въ такомъ случаѣ, въ какомъ же отношеніи стоять эти слова гр. Толстого съ его фаталистическимъ взрѣніемъ на исторію? Дѣло въ томъ, что его фатализмъ поконится вовсе не на этой аргументаціи относительно невозможности свободы воли въ смыслѣ ея безпричинности,—хотя мы и *представляемъ* себѣ свободу, когда не знаемъ причинъ,—а на совершенно иномъ рядѣ мыслей. Гр. Толстой смѣшивается не-свободу воли въ томъ значеніи, что воля не можетъ дѣйствовать безпричинно, съ ея